

...В родном мире Гоббо гоблины были морским народом, пока извержение цепи вулканов не согнало их с насиженных островов.

Сколько при этом погибло от волн, штормов и общей неустроенности судов и умов – не посчитали, должно быть, до сих пор. Да и не было никому до этого дела, в том числе самим гоблинам.

Издревле «младшие» зеленокожие придерживались принципа «обманули, ограбили, сдох – сам дурак». И даже на катастрофе многие успели нажиться: цены за места на кораблях взлетели до небес не хуже дыма и пламени из смиренных ещё недавно гор.

Не говоря уже о том, что изрядная доля пассажиров через короткое время сама превратилась в товар. Ну а что? Вывезти с островов обещали? Вывезли. А насчет того, что потом, никто ничего не говорил.

Контракты надо внимательнее читать. Даже если в паре километров исходит на лаву огненная гора.

Поэтому Гоббо очень философски относился к проявлениям обмана, несправедливости, алчности и прочей энтропии вокруг. А ежели капитан Медуза намерена с этой энтропией бороться без личного ущерба, а лучше с прибылью – честь ей и хвала.

Каптенармус даже проникся: создавать себе добрую репутацию спасительницы и защитницы, и при этом планировать ещё и нажиться – это даже с точки зрения гоблинов высший пилотаж.

И хотя в настоящее время денег у команды было не то чтобы много, Гоббо за версту чуял их приближение. Например, намерение грабить грабителей гоблин всей душой одобрял. Добыча такая хоть и зубаста чрезмерно, но риск окупается с лихвой (особенно если не ты в первых рядах). Ибо обговоренной контрактом доли в случае дележа заполненного золотом трюма должно было хватить надолго, даже если ежедневно скупать дорогие цапки и лучшее оружие.

В таких почти что благостных раздумьях Гоббо лежал животом на бушприте «Сяоба», обдаваемый свежим ветром и солёными брызгами. Кроме того, вдохновенно отдавал часть съеденного ночью морским обитателям. Было не жалко: столько всё равно не переварить. Чудом было то, как всё влезло. По ощущениям, сожрал ночью минимум кабана, да ещё бочкой браги запил. Как не разорвало на куски – ведал один Торговый Принц, чтоб ему икалось.

Брага, к слову, была ужорной: не чета поганому рому из трюма. Случалось нынешнему каптенармусу легкого наёмного судна «Сяоба» в прошлом всякое пить, в том числе ордынский самогон, а это не каждому дано пережить. Но чтобы такое коварство! Пьётся как вода, валит с ног как удар дворфского мушкетера. И тыква потом точно так же болит.

Выдав под эти мысли очередную порцию продовольственной щедрости морским обитателям, Гоббо почувствовал, что ему полегчало. Можно было спокойно слезать с бушприта и

приступить к обязанностям.

А то утром очнулся от качки. Последнее, что помнил – это как на спор пил бутылку плодовой браги из горла после чьего-то опрометчивого утверждения «в тебя, малой, больше не влезет, и так зелёный!»

Но для начала необходимо было избавиться от симптомов абстинентного синдрома. То есть, грубо говоря, опохмелиться.

На камбузе, к вящему удивлению гоблина, обнаружился лишь хлопочущий о скором обеде Окорок. А ещё крылатый юнга на ответственном посту «подай, почисть, помой».

Гоббо же досталась мизерная стопка рома, а также бутерброд с куском холодного мяса.

- Приказ капитана! – бескомпромиссно заявил Окорок. – Рома выдали ровно по такому наперстку для всех похмельных. В виде исключения.

Гоббо издал нечленораздельный звук: как раз запихал в пасть весь бутерброд целиком.

- Бочка опечатана, ежели что, - добавил кок и снова начал шинковать какие-то овощи.

Впрочем, свежий хлеб с соленой свининой хорошо и мирно улёгся в недавно очищенном желудке прямо на опрокинутую парой мгновений раньше стопку рома. И даже похмелье, похоже, изъявило намерение тактически отступить.

Видимо, на роже гоблина отразилась некая гамма чувств, потому что Окорок, всё так же не отрываясь от процесса готовки, произнёс:

- Да, не умеет гобла пить...

Гоббо возмущённо булькнул и покинул камбуз от греха: ещё в чем обвинят, потом не отмоешься.

В трюме обнаружился почти идеальный порядок. Разве что корабельные крысы, даже понеся существенные потери от неведомых морских чудищ и крысоловок, не намеревались сдаваться.

Несколько мешков и ящиков с провизией носили явные следы пребывания грызунов. В то же время все двенадцать поставленных ловушек были захлопнуты, а в пяти даже обнаружили придушенные жертвы.

- Что ж, - сказал Гоббо, извлекая будущую вяленую крысятину из плена. – Война объявлена...

Ещё одну крысу гоблин застрелил из самострела буквально пять минут спустя, но быстро отказался от этой затеи в дальнейшем: идея выглядела безнадёжной. К тому же Гоббо был редкостным лентяем, и устраивать каждый день сафари по трюму с арбалетом наперевес как-то не улыбалось.

Есть, в конце концов, и более приятные способы времяпровождения.

Например, смастерить поболее ловушек и организовать сушилку для добычи – не пропадать же добру?

...Воранг Гоббо не понравился.

Мало того, что по-деловому суетливый промышленный городок стоял на склоне лениво курящего вулкана (а воспоминания о таких поселениях были далеки от радужных), так ещё и был заселён дворфами до совершенно неприличной степени.

Собственно, в человеческих поселениях на Гоббо обращали мало внимания ввиду того, что гоблин – существо низкорослое. И пока не отягчён совершённой пакостью, опускать свои бесстыжие очи на него – дело справного хуманса недостойное.

Таким образом, можно привлекать к себе внимание только нужных лиц и только тогда, когда тебе надо.

А здесь, под суровыми взглядами из-под кустистых дворфских бровей, Гоббо было неудобно. Потому как репутация у гоблинов была высокой разве что среди известных беспредельщиков-гноллов и всевозможной шелупони меньшего размера типа кобольдов или пикси. Для последних гоблин – вообще природный враг: поймают – сожрёт и фамилии не спросит.

Вкусно, к слову.

К счастью, пребывание в Воранге у команды было коротким: дела были недолги, а с увеселительными заведениями на острове было плоховато. А без учёта дворфской специфики – и того меньше.

Гоббо себя считал существом благоразумным и в полные суровых бородачей таверны даже не сунулся. В отличие от нескольких более глупых матросов, которые спустя лишь пару минут повывлетали в двери и окна.

Поприисутствовал каптенармус и при передаче сундука Илфордов. Адресатами оказались, к вящему удивлению гоблина, жрецы Морского Хозяина – местного бога мореходства. Что в сундуке – оказалось загадкой, но с мирозданием примирял увесистый кошель золота, переданный из рук в руки капитану Медузе.

После этого малость закупились инструментами и оружием получше, чем на складах Волатта, переночевали и с утра пораньше двинули в море. Путь лежал обратно: жрецы, в свою очередь, с оказией воспользовались подвернувшимся курьером и передали Илфордам несколько писем и кожаную шкатулку под замком.

Содержимое также оставалось секретным, но за усмирение любопытства снова доплачивалось отдельно, а клиент, как известно, всегда прав. По крайней мере, если готов свою правоту щедро оплачивать.

...От Воранга до Волатта плыть было три недели при хорошем ветре. Но тот пока был ниже среднего, и с каждым часом срок этот рос. Не то чтобы катастрофично, но капитану было жалко времени. Да и памятуя о том, какой резвой может быть «Сяоба», Гоббо Медузу понимал.

Ветер поднялся на восьмой день такого плавания. Паруса радостно хлопнули, натягиваясь, и шхуна быстро разогналась.

Настроение у всех тут же приподнялось и пребывало таким примерно до обеда, пока с верхотуры фок-мачты не донесся крик Висуртара:

- Корабль прямо по курсу!

Гоббо в это время находился на носу, решив, что поработать с крысоловками можно и на свежем воздухе. И бинокль к глазам вскинул чуть ли не раньше, чем капитан подозрную трубу.

В линзах хорошего стекла и вправду отразился корабль. Двухрядная галера или, как её здесь звали на староимперский манер – бирема. Довольно крупная: навскидку, втрое длиннее «Сяоба», а то и больше. А значит, и народу соответственно. И даже если две трети – прикованные к веслам гребцы, всё равно получается больше, чем на небольшой шхуне.

Но главное – над одной из мачт биремы развевался чёрный пиратский флаг.

- Идёт курсом на перехват! – снова подал голос крылатый впередсмотрящий.

- Свистать всех наверх! – раздалась команда капитана и последовавший за ней частый бой рынды.

На какое-то время корабль заполнился топотом множества ног: все занимали места по боевому расписанию. Гоббо и сам бросил свою недоделанную машинерию и встал около одной из легких баллист.

Встреча обещала быть горячей: когда морские разбойники встречаются друг с другом в море, редко это заканчивается мирно. Братство пиратов – как правило, миф. Любая подобная организация привлекает столько внимания, что легче сразу повеситься. Ну или дать дёру со

всей возможной для твоей посуды скоростью.

А значит, пират пирату – не брат, а очень даже волк.

Исключение может быть сделано в припортовых кабаках. Там устраивать кровавые разборки джентльмены удачи считают моветоном или, как в таких случаях говорят гоблины, западлом. В конце концов, кому будет лучше, если заведение будет разгромлено и привлечёт внимание стражи? А уж тащить в таверну общак и распоследнему идиоту не придёт в голову.

Впрочем, возможен и обратный вариант: не сдюжив в море или набравшись лишнего (или и то, и другое), пираты решат свести счёты на суше... ну да боги им судьи.

По мысленным прикидкам гоблина, для такого небольшого кораблика, как «Сяоба», встреча с биремой закономерно должна закончиться бесславным поражением. Неважно, каков будет характер встречи: дуэль на дальнобойном оружии, абордаж или таран. Да что там, последнего у шхуны даже и не было. А вот бирема грозно рассекала волны окованным бронзой штырём, способным проломить легкое судёнышко просто насквозь.

Но уверенность, с которой капитан Медуза шла прежним курсом, вселяла надежду.

Хотелось верить, она знает, что делает...

<http://tl.rulate.ru/book/23702/514505>